

Табель первокурсницы

Автор:

Аня Сокол

Табель первокурсницы

Аня Сокол

Первокурсница #1

Меня зовут Ивидель Астер. Я студентка первого потока Магиуса. И кажется, я натворила дел. Сожгла лабораторный корпус. Провалила магическую защиту. Оказалась в центре заговора. И каждый день ищу встречи с тем, кого нарекли жестоким бароном, а это уж вовсе не достойно леди. Теперь надо выпутываться. И поскорее, пока отец не посадил меня под замок до самого замужества и не заставил вышивать крестиком.

Аня Сокол

Табель первокурсницы

Запись первая

О ненадлежащем поведении

Само по себе наказание было нестрашным, скорее скучным и... обидным. Нас не пороли, не ставили коленями на горох и, конечно, не привязывали к позорному столбу.

Маги слишком ценный ресурс, чтобы им разбрасываться. Даже недоучки, спалившие лабораторию. Или, например, глупые девчонки, не способные как следует убрать со стола и соблюдать правила безопасности.

Вместо этого нас заставляли работать. День за днем механически выполнять одни и те же, наверное, полезные, но изматывающие своей монотонностью действия. Через несколько дней даже те, чьих спин никогда не касались розги, начинали задумываться: возможно, плеть не так уж и плоха по сравнению с нестерпимой рутинной?

Одно из этих наказаний изменило мою жизнь.

Эхо шагов отражалось от серых стен, сумка с книгами билась о бедро. Дробный стук каблуков о гулкие мраморные плиты перекликался с тревожным биением сердца. Пробежав под аркой с изображением взявших за руки Великих богинь, я переступила границу тени и вышла во двор. Яркий свет зимнего солнца на миг заставил зажмуриться.

Почти весь первый поток был здесь. Все, с кем я сидела на лекциях, мучилась на практикумах, готовила яды и противоядия (последние не всегда помогали), с кем жила и дышала последние полгода. Гэли подбадривающе улыбнулась, только невеселая вышла у нее улыбка. В отличие от нее Коррин и Леон усиленно делали вид, что увлечены разговором. Даже Мэрдок, как всегда отстраненный и до зубовного скрежета красивый, стоял чуть в стороне и притворялся, что происходящее его совершенно не касается.

Дженнет, которая вряд ли могла пропустить подобное развлечение, окинула меня скучающим взглядом. Она стояла в первом ряду и ждала. Ждала, когда меня накажут, как некоторые ждут подарков ко Дню Зимнего танца Трех Дев.

– Вот она! – крикнул кто-то из-за спин сокурсников.

Нехорошо так, с затаенной издевкой. Я была слишком испугана, чтобы узнать голос.

– Поджигательница! – раздалось с другой стороны, но восторга в крике слышалось больше, чем укора.

К щекам прилила краска. И ведь захочешь – не ответишь. По крайней мере, уж точно не сейчас, под суровыми взглядами учителей и магистров.

– И чего бы ей пятый полигон не спалить? То-то Ансельм обрадовался бы...

Порыв холодного ветра закружил падающие снежинки. Я незаметно растерла замерзающие ладони. Муфта, как и варежки, осталась в моей комнате, на втором этаже жилого корпуса. Я слишком нервничала, чтобы помнить о подобных мелочах.

– Астер, подойди, – скомандовала мисс Ильяна, к слову сказать, «мисс» она величалась уже четвертый десяток лет кряду и вроде бы менять статус не собиралась. – Пояс.

Магесса требовательно протянула узкую ладонь. На среднем пальце тускло сверкнул ободок учительского перстня. Вообще-то маги не носят украшений. Золото, серебро, другие металлы и камни мешают творить волшебство, загрязняя изначальные компоненты. Исключение – экранированные артефакты, как этот перстень, полностью закрытый от влияния извне. Знак отличия. Знак гордости. Если тыходишь в совет Академикума, значит, жизнь удалась.

Я чувствовала взгляды сокурсников, их радость от того, что сегодня это происходит с кем-то другим. А еще надежду, что для них искупление не наступит никогда. Раньше я думала так же – стояла плечом к плечу с друзьями и жадно разглядывала очередных провинившихся.

Придерживая сумку с учебниками, расстегнула звякнувший пузырьками пояс и передала мисс Ильяне. Без него я почувствовала себя чуть ли не голой: всего полгода ношу, а привыкла настолько, что уже не покидала комнату, не вдев в петли пару склянок с компонентами. Вернее, пару десятков склянок. Без изначальных составляющих маги почти бессильны. Почти... многие рассмеялись бы, услышав это.

– На неделю поступаешь в распоряжение мастера Тиболта серого. – Мисс Ильяна кивнула на высокого мужчину с усами кавалериста, в чем-то похожего на печальную гончую моего отца. – Да помогут тебе Три Девы искупить вину и вернуться.

Произнеся ритуальную фразу, магесса резко развернулась на каблуках и удалилась, скрывшись в Арке богинь.

Кто-то неуверенно рассмеялся. Они могли позволить себе радоваться. Я отвернулась, посмотрела на черные остатки обрушившейся стены, покрытые снегом, торчащие ребра обгорелых свай – все, что сохранилось после бушевавшего недавно пожара. Так ныне выглядела вторая магическая лаборатория. И виновата в случившемся была именно я.

Как говаривала бабка? «Иви, ты никогда не размениваешься на мелочи!» Первое наказание – и сразу семидневная отработка в Ордене рыцарей. Вот повезло так повезло. Наверняка заставят скрести полы и чистить котелки. Фу!

С давних времен повелось: заслуживший порицание искупает вину делом, а не словом, искупает там, где ему вряд ли будут рады. На чужом факультете, среди незнакомых лиц и чуждых порядков.

Старый рыцарь тяжело вздохнул, всем видом показывая, как ему надоело возиться с недоучками вроде меня, и жестом приказал следовать за ним.

– Развлекайся, Астер! – промурлыкала в спину Дженнет.

Она была тактична, как всегда, конечно, если не считать тона. Аристократы умеют оскорблять без бранных слов, предельно вежливо и непринужденно. Знаю по себе. Здесь училось слишком мало тех, кто мог считать себя ровней Дженнет, столичной аристократке, единственной дочери герцога Трида. И уж точно это были не отпрыски фабрикантов и провинциальных сквайров, не дочери купцов или, того хуже, сыновья ремесленников. Но ей приходилось стоять с нами в одном ряду. И все, что оставалось Дженнет, это «вежливость».

Мы пересекли двор. Забор здесь никогда не было, однако каждый студент точно знал, где заканчивается территория его факультета и начинается чужая.

Узорные мраморные плиты сменились грубо отесанными камнями, снег скрипел под ботинками. Орден – территория рыцарей, второй факультет Академикума, альма-матер тех, кто не обижен физической силой, но лишен магической и, как поговаривали у нас в Магиусе, умственной.

Высокий замок с круглыми башнями и развевающимися на морозном ветру стягами, расчищенный плац и хозяйственные постройки за ним, мрачное, неприветливое здание казармы, тренировочные площадки и полосы препятствий, расположенные вдоль северной стены Академикума. За конюшнями, из которых периодически доносилось лошадиное ржание, находилось стрельбище.

Рядом с дощатым, присыпанным снегом настилом стояла механическая повозка. Двое парней возились с паровым двигателем, но, видимо, что-то не заладилось, и телега выплюнула струю кипятка, чудом не задев ни одного из них. Высокий с соломенными волосами выругался, поминая демонов и их матерей. Дома, в Кленовом Саду, мне такое слышать не полагалось. Отправляя дочь в Академикум, отец никак не мог предполагать, что ее кругозор настолько расширится.

Массивная дверь центрального замка Ордена бесшумно распахнулась перед старым рыцарем. Я снова оказалась среди каменных стен, на этот раз темно-коричневых. В помещении было сильно натоплено, и жаркий воздух ласково коснулся замерзших пальцев. Мой конвоир мягко ступал по гулким плитам, а я следовала за ним. По светлому коридору, по лестнице вниз... Куда? В темницу? Сердце замерло.

Неужели тюрьма? У отца в замке была такая, прошлой зимой туда угодил Смешек, продырявивший бочку лозийского. Он насмерть замерз в каменном мешке. «Поделом!» – сказал тогда граф Астер и велел выкинуть тело за околицу.

– Принимай, – скомандовал седовласый мастер Тиболт другому мужчине, помоложе и поменьше ростом. – Ивидель Астер с первого потока Магиуса. На семидневку.

– Это та, что корпус Маннока спалила? – спросил черноволосый, бряцая ключами на поясе.

– Она самая. – Старый рыцарь кивнул тюремщику, не произнеся более ни слова, развернулся и зашагал в обратном направлении.

– Я смотритель подвалов Райнер. – Мужчина поглядел на мои ботинки, поднял взгляд выше, на тяжелую, подметающую пол юбку, куртку на лисьем меху и

остановился на бледном от страха лице. – Следующие семь дней ты проживешь здесь. У меня будут с тобой проблемы, Астер?

– Нет, сэр, – пискнула я.

Что это со мной? Многие отработывали наказания, и никто еще не умер. Тогда откуда эта дрожь? Никто никогда раньше не наказывал Иви Астер! За исключением матушки, конечно, но ее хватало только на то, чтобы запереть дочь в комнате и пожаловаться кормилице. Как повелось, я сразу вылезала в окно, спускалась по плющу на землю и до вечера носилась по лесу, собирая сладкие ягоды, словно какая-то крестьянка. И дикий плющ ни разу не выдал меня, пока его под моим окном не срезал зачем-то старик Доусен.

– Крыс не боишься?

– Нет... не знаю.

Конечно, я боялась, но магу такой страх не к лицу. Магу никакой страх не к лицу!

– Шучу, – добродушно проворчал смотритель, вот только глаза оставались серьезными и колючими. – Иди за мной, принцесса. Апартаменты уже подготовили.

Следом за смотрителем я спустилась еще на один уровень и остановилась напротив массивной черной решетки. Все-таки камера? Я шмыгнула носом, раздумывая, сразу зареветь и подождать?

Отец и брат терпеть не могли женских слез, поскольку понятия не имели, что с ними делать. Но Райнер мне не сват, не брат и даже не учитель. Слишком колючий взгляд, слишком насмешливый, словно подначивает: «Ну, давай, выкинь что-нибудь!» Я вспомнила про спаленную лабораторию и опустила глаза. Самое противное, что они еще и счет папеньке выставят, а граф Астер прижимистый. Как бы из приданого не вычел.

Апартаментами мастер Райнер называл камеру три на пять метров, без окон, но на удивление теплую и сухую. Пока мы спускались, воображение успело

нарисовать холодный и влажный каземат, полный крыс, слизней и плесени. А также героическую смерть от голода и холода, роскошные похороны, лакированный гроб, многоголосие плакальщиц и мое последнее пышное белое платье, контрастирующее с черным траурным нарядом матушки.

– Устраивайся, – напутствовал Райнер и захлопнул за моей спиной массивную решетчатую дверь.

Я обернулась. Смотритель медленно уходил во тьму. Замка на решетке не было, конечно, если не считать круга силы поверх прутьев. Камера явно предназначалась для удержания мага. Я коснулась черного металла, такой ковали только в предгорьях Чирийского хребта, и поняла, что круг неактивен. Толкнула створку, и та послушно открылась.

– Эй, – позвала, высунув голову в освещенный масляными лампами коридор.

Никто не ответил. Совсем. И не наступал по дурной башке. С минуту я раздумывала, глядя в спину уходящему рыцарю, а затем вернулась в камеру.

Ну, выйду отсюда и что? Я в Академикуме, а не в княжеских темницах, тут либо соблюдаешь правила, либо с позором едешь домой, а позора мне сегодня и так хватило выше крыши. Да и в Кленовый Сад как-то не хотелось... особенно сейчас, когда папенька вот-вот получит счет за сгоревшую лабораторию, испорченные компоненты, приборы и инструменты. Еще пара таких «случайностей», и точно без приданого останусь.

Я бросила сумку с книгами на кровать. Наказание не исключает учебы, скорее уж наоборот, провинившихся спрашивают еще строже.

Откидная столешница и койка, самый обычный стул, серое белье, колючее шерстяное одеяло. В углу, на грубо сработанном трехногом табурете, стоял кувшин с водой и таз, ну и ведро под кроватью, само собой, куда ж без него. Не так уж и страшно, в башне первого потока моя комната была немногим больше.

Я коснулась висевших над кроватью цепей с кандалами, постаралась не думать об их применении. Железо тихо звякнуло. Масляный светильник мигнул, словно соглашаясь с тяжелыми мыслями.

Утром меня разбудили конвоиры, вернее, два хмурых позевывающих парня. В руках у высокого была дымящаяся миска с кашей, поверх которой лежал ломоть хлеба.

– Подъем! – заорал дурным голосом второй, рыжий и коренастый крепыш в кожаном доспехе с накинутым на плечи шерстяным плащом. – Живо жрать, и на выход! – Для подкрепления эффекта он несколько раз стукнул сапогом по решетке.

Я подтянула одеяло к подбородку.

– Давай-давай, скромничать потом будешь, перед магистрами. – Он ухмыльнулся и подмигнул. – А перед нами можешь не жаться! Знаю ведь, какие у вас на колдунском порядки.

– Охолони, Жоэл! А то до обеда проваландаемся. Еще одно дежурство хочешь схлопотать? – лениво проговорил высокий, мазнув по мне равнодушным взглядом. – А ты одевайся и ешь.

Поставив миску на пол, парень демонстративно повернулся спиной к решетке. В тусклом свете коридора матово блеснула кольчуга.

– Ладно-ладно. Вот вечно ты со своими баронскими замашками, Крис, – попенял рыжий и тоже нехотя отвернулся. – Сам не развлекаешься и другим не даешь.

Начался первый день искупления.

Вопреки ожиданиям меня не заставили ни мыть полы, ни чистить картошку в замковой кухне, ни скрести котелки. Меня отвели на пустующий склад и усадили составлять целительские наборы. Рыжий Жоэл отпустил пару шуточек в стиле конюхов моего батюшки, но должного отклика не дождался и остался стеречь «пленницу» снаружи. Тогда как его товарищ...

«Крис, – внезапно вспомнилось мне, – его зовут Крис».

...облокотился на дверь, наблюдая, как я развязываю тесемки первого мешочка.

Так он и стоял, словно истукан, одинаково равнодушно взирая на стены, обвешанные гобеленами, на шкафы и даже на меня, перебирающую ингредиенты непослушными руками.

Досыпать противовоспалительного порошка, проверить концентрацию «живой воды», высокую – разбавить, низкую – напитать магией. Заменить «медовую пыльцу», обновить склянки, кульки и пучки трав, завернутых в тонкую бумагу, чтобы можно было легко разорвать, легко добраться, легко применить. Все должно находиться на своих местах, все должно работать. От этого зависит жизнь учащихся всех трех факультетов Академикума вне этих стен.

Если в первый час я еще пыталась поймать взгляд своего надзирателя и найти в нем... Что? Я и сама толком не знала – хоть что-то, отличное от ленивого равнодушия, – то в последующие оставила это бесполезное занятие.

На самом деле – скука смертная. Я не аптекарь и не травница. Я будущий маг. Который спалил целую лабораторию, забыв на столе несколько крупинок «сухого огня». По правилам нужно было обработать столешницу нейтрализующим раствором, но в тот день я торопилась: Гэли сказала, что в лавку завезли артефакты с Проклятых островов. Казалось, я убрала все до крошки. Казалось...

Итог – ни артефактов, ни лаборатории, ни Гэли, а вместо этого замок рыцарей, наказание и истукан напротив.

– Радуйся, что не попала к жрицам, – желая утешить меня, сказала накануне подруга. – В Отречении совсем другие порядки.

И я пыталась радоваться, взвешивая очередную унцию листьев Коха, подавляя желание шваркнуть весами о ближайшую стену. Синие глаза, не отрываясь, следили за моими руками. Листья этого дерева очень ценны и стоят втрое больше своего веса, разумеется, в золоте. Каждый листок способен за час срастить рану размером с фалангу большого пальца, и если пропадет хоть один...

– Если хочешь, пересчитай, – не выдержав, предложила я, но ученик рыцаря никак не отреагировал, лишь продолжая провожать взглядом каждое движение.

Ночью я все-таки разревелась: обхватила колени руками и битый час раскачивалась на узкой койке. В правом углу что-то шуршало, но я так и не решилась зажечь свет и посмотреть. Вдруг и правда крысы? Лучше уж не знать.

Второй день был точным повторением первого. Подъем, холодная вода в тазу, каша и склад с травами. Как и третий...

Богини Аэры, дайте сил! Думаю, я бы взвыла уже к четвертому и сама попросилась на кухню.

У рыжего Жоэла тоже поубавилось оптимизма, шуточки стали повторяться. Крис оставался молчаливым. А я впервые задумалась, кто на самом деле наказан? Я? Они? Или травник, на чьем складе мы хозяйничаем?

Я попыталась разговорить высокого, стараясь быть максимально любезной и приветливой, как учила матушка.

– Скажите, э-э-э... барон, – выудила из очередного мешочка склянку с «живой водой», которая, видимо, уже давно «умерла», и полезла за заменой. – Почему вы все время рассматриваете эти гобелены? Они настолько интересные?

– Да не особо, – ответил он, отводя глаза.

– Тогда почему?

– Пытаюсь понять, зачем кому-то понадобилось украшать склад, в то время как стены самого замка пустуют.

Оторвавшись от взвешивания черного кровоостанавливающего порошка, я оглянулась. Но ничего странного в вышитых картинах не увидела. Обычные гобелены, сценки из истории Аэры, рассказывающие о жизни богинь, о подвигах рыцарей. Ничего интересного, картинка, годящаяся как для спальни, так и для столовой, а вот в гостиную или в парадную их вешать явно не стоит. Матушкины мастерицы в Кленовом Саду работают не в пример лучше.

– Может быть, старшие рыцари не любят подобные украшения?

– Может быть.

Крис отвечал односложно или вовсе молчал, и, в конце концов, вопросы закончились вместе с приветливостью.

А день все тянулся и тянулся.

Меня повели обратно, когда солнце ушло за высокие шпили замка. Перед глазами все еще стоял ящик с корешками, которые приходилось измельчать, рассыпать по колбам и разбавлять «мертвой водой» в пропорции три к одному.

А во дворе что-то продолжало и продолжало скрежетать. Неужели паровую повозку так и не починили?

Жоэл шел впереди, Крис за спиной, чуть сместившись вправо. Все как вчера и позавчера, только вот повозка была другая. Вместо паровой телеги во дворе стояла старая разохшаяся развалюха, похожая на те, в которых крестьяне возят сено. Но вместо сухой травы в ней виднелось что-то высокое, похожее на бабкин сундук, накрытый плотной тканью.

Незнакомый маг в белом плаще что-то тихо втолковывал рыцарю с бляхой посвященного. Не похоже, что они из Академикума, скорее уж выпускники.

Надеясь все-таки быть услышанным, маг махнул руками перед носом старого воина, но тот остался спокойным, лишь отрицательно мотнул головой, указав на повозку. Два парня из последнего потока, которым пока было отказано в посвящении, поправляли ткань на «сундуке», из которого снова донесся механический скрежет.

Мы медленно шли мимо странной компании, и все, что я смогла рассмотреть, – это очертания прутьев массивного горбатого груза, проступившие сквозь прижатую ветром накидку.

«Сундук» снова заскрежетал, его потрянуло, словно под тряпкой было что-то живое. Хотя по звуку больше напоминало давно проржавевший мукомольный механизм!

– Эй, – крикнул один из старшего потока, заметив нас. – Вы, трое! А ну-ка быстро отсюда!

Но Жоэл то ли не услышал, то ли предпочел не услышать приказ другого ученика и продолжал идти через двор.

Телегу снова тряхнуло, да так, что она чуть было не завалилась на левый борт, а затем грузно ухнула обратно. Край плотной ткани взметнулся вверх. И я увидела клетку, а в ней... миг, очень длинный миг я глядела прямо в красный голодный огонь.

Там был не зверь, не механизм, не человек. В клетке сидело нечто иное. И это нечто прыгнуло на прутья, словно не видело их. Не видело преград. Только цель.

По металлу разбежались серебристые искорки защитного полога. Лапа с четырьмя чудовищными лезвиями-когтями ударила по преграде. Раздалось шипение, и плоть на суставах существа стала обугливаться. Но это не остановило, а только разъярило тварь. Она не отпрянула, не стала зализывать раны, а снова пошла в атаку.

Железная лапища, с треском проломив защитный барьер, пролезла меж прутьями и чиркнула по тяжелой юбке, вспарывая ткань подола. Создание скрипуче зарычало от злости и разочарования.

Я закричала. Наверняка завизжала не хуже увидевшей голого мужика селянки, хотя благородным дамам надлежит тихо падать в обморок. Руки сами потянулись к поясу, но там ничего не было, ни одной склянки – ни «сухого огня», ни «едкой слюны тритона». Ничего!

Все произошло очень быстро. Механическая лапа поднялась снова, чтобы на этот раз не ограничиться разорванной юбкой. Она поднялась, чтобы дотянуться до плоти. Я не успевала отпрянуть в сторону. Только увидела, как приближаются когти...

Инстинктивно потянулась магией ко всему окружающему. Твердый камень под ногами, холодный снег, доспехи рыцарей, крепкая, защищенная от магии клетка и... телега. Деревянная, разошедшаяся, с маленькими точками ходов жучков-древоточцев.

Времени не осталось. В панике я ухватилась за первое, что попало под руку... вернее, под магию. За труху, скопившуюся в ходах насекомых, за измененное дерево. Зацепилась и дернула, как компонент. Всему нужна основа. Даже магии. Ничего не создается из ничего.

Меня толкнули в сторону, отбросили. Второй удар лапы высек дюжину искр из каменной мостовой. Ударившись о землю, я расцарапала ладони, кувыркнулась, потеряла шляпку и загребла воротом снег. Сверху навалилось что-то тяжелое и прижало меня к земле. Я ждала удара, думала, что железные челюсти сейчас сомкнутся на руке, ноге или горле, и видение грядущих похорон станет реальностью, не такой уж красивой и трогательной.

- Прекрати орать! - рявкнули сверху.

Я открыла глаза, часто заморгала, стряхивая снег с ресниц, и увидела прижимающего меня к земле Криса. Теперь в его синих очах не было равнодушия. Только злость и досада. Я закрыла рот и поняла, что ору не одна. Во дворе грязно ругались, что-то кричали рыцари, громыхала клетка, шипели охранные заклинания.

- Слезай с девки, наваляешь еще! - рыкнул кто-то, и Крис, поднявшись, протянул мне руку, рывком вытаскивая из снега.

Больше резкий, чем вежливый жест, который так легко принять за что-то другое, особенно когда сердце колотится как бешеное и больше всего на свете хочется спрятаться за чью-нибудь широкую спину. А уж потом выглянуть и как следует рассмотреть и осыпавшийся трухой угол паровой телеги, и свалившуюся, вставшую на бок клетку. И создание, мечущееся в ней. Существо, которое не чувствовало боли и страха и никого не подпускало к своему узилищу.

- Нечего глазеть, - крикнул старый рыцарь, что еще минуту назад спорил с магом. - Отведи девку в подвал и возвращайся. А ты, - это уже рыжему, - помогай.

И Жоэл, наверное, помог, но я этого уже не видела. Через несколько минут я сидела на откидной койке, куталась в колючее одеяло и пыталась остановить

слезы, унять бешено колотившееся сердце, не поддаваться желанию открыть дверь и сбежать куда глаза глядят.

Страх навалился на меня вместе с темнотой. А маг не может бояться. Не имеет права. Он защитник, он нож, отсекающий от мира все богопротивное. Такое, как та тварь. Трусам нечего делать в Академикуме. Так, может, маменька была права и мое место дома, за пядьцами?

Наревевшись вдоволь, я заснула. Вопреки страхам снилась мне не обугленная лапа с когтями, а синие глаза. И тяжесть чужого тела.

А на следующее утро Жоэл принес книгу.

Запись вторая

Список рекомендованной литературы

Конечно, рыжеволосый притащил ее не для меня. Он показывал книгу Крису, пока я торопливо умывалась, стараясь не очень явно вытягивать шею, пытаюсь заглянуть в обтянутый кожей том.

Оуэн, повертев книгу в руках и с шорохом проведя большим пальцем по срезу страниц, тут же вернул ее Жоэлу. На секунду показалось, что парень не умеет читать. Но стоило поймать на себе хмурый тяжелый взгляд, как я выбросила эту мысль из головы. Глупо думать, что дворянин, сумевший пробиться в Академикум, пусть и в Орден, может оказаться неграмотным.

– Так что это было? В клетке? – решила спросить я.

– Думаю, это... – начал Жоэл.

– Не твое дело. – Барон не дал ответить рыжему и отвернулся. Я успела заметить свежую ссадину на небритой щеке. – Запомни, ты ничего не видела. Поняла? Забудь все, что произошло, иначе...

– Угрожаете, барон? – стараясь, чтобы голос не дрожал, спросила я.

– Нет, госпожа арестантка. Даю совет, – ответил он и, повернувшись к приятелю, зло бросил: – А ты учись держать язык за зубами.

– Да ладно тебе! – виноватым голосом ответил Жоэл, выходя из камеры.

Интересно, что я сделала этому барону? Ведет себя так, словно вместе с лабораторией я спалила его любимого хомячка! Или действительно спалила?

Тяжело вдохнув, я поплелась за парнями. Может, он прав? Стоит забыть вчерашний день? Сказать проще, чем сделать. Тем более что сегодня рыцари пришли при оружии. Шпага Жоэла звякнула, легонько задев решетчатую дверь. Не мне одной не давало покоя видение стальных когтей и яростных алых глаз.

Мы в очередной раз миновали внутренний двор Ордена, не помню уже, какой по счету. Ночью выпал снег, однако плац был чисто выскоблен и щедро посыпан светло-желтым песком. Я выглянула из-за спины парня, желая увидеть место, где вчера стояла телега. словно поняв это, Крис неосознанным движением коснулся эфеса шпаги и вдруг свернул в сторону главной площади, изменив привычный, набивший оскомину маршрут.

Я чуть было не споткнулась. Зачем? Он не хочет, чтобы я увидела... что? Телегу? Или клетку? И куда он меня ведет? Неужели... Кровь прилила к лицу. Мы приближались к главной площади Академикума, а там никогда не бывает пусто. Маги, жрицы и рыцари использовали ее как место для встреч: кто-то демонстрировал новую шубку, кто-то тайком передавал записки или зелья. Кто-то украдкой обнимался, кто-то болтал. Место встреч, место для объявлений и публичных изгнаний. Вероятность встретить учеников первого потока Магиуса стопроцентная. Девы, как же не хочется!

Земля под ногами дрогнула. Совсем чуть-чуть. Раздался механический скрежет, и площадь Трех факультетов наполнил едва слышный гул. Я вздрогнула и схватилась за плечо Жоэла. Но на этот раз скрежетала не жуткая тварь из клетки. Нет! На этот раз скрежетал Академикум, да и сама земля под ногами.

Такое происходило третий раз за полгода, что я провела в этом месте. И каждый раз казалось чудом.

Кто не слышал сказок о Летающем Острове? О таинственном и загадочном Академикуме? О городе, где учатся самые сильные воины, самые великие маги, самые могущественные жрицы? Кто ни разу не видел волшебный клочок земли, парящий в небесах над Аэрой? Академикум, основанный императором тогда еще единой Эры? Вы не видели? Врете, потому что это попросту невозможно.

Но видеть – это одно, а быть здесь, учиться – совсем другое!

– Магистры уводят Остров! – с восторгом, который может понять лишь такой же первокурсник, как я, сказал рыжий.

Послышались восхищенные возгласы и крики. Дрожь под ногами усилилась. Забыв обо всем, я бросилась к центру площади. Там, куда бежали ученики разных потоков и факультетов, располагался атриум – широкое многоступенчатое квадратное окно в толще земли, прорубленное магией или мужиками с заступами и лопатами. Окно, сквозь которое мы могли видеть Аэру, наш дом.

На миг я забыла, что не одна, забыла, что наказана. Я просто хотела еще раз увидеть магию Острова. И, подобрав юбки, побежала, взметнув свежий снег и услышав, как за спиной топают рыцари.

– Стой! – рявкнул Крис и схватил меня за плечо у самого атриума. – Ты чего творишь?

Парень в коричневом плаще недоуменно покосился на рыцарей, но вмешиваться не стал.

Девушка в дубленой курточке и криво сидящей шляпке вцепилась в окружающие окно перила и с восторгом закричала:

– Смотрите!

Я не смогла ответить, поскольку вглядывалась в расступавшийся туман. Рядом замороженно замер Жоэл. Даже Крис смотрел, так и не убрав руку с моего плеча.

Парящий в воздухе Остров двигался.

Иссиня-голубые струи, похожие на языки газового пламени, появлялись за краем атриума и тут же исчезали, двигая Академикум к далекому побережью. Незабываемое зрелище, порожденное магией самих богинь. Струи невозможно увидеть с земли, только отсюда, сквозь этот колодец.

Тем, кто провел здесь всю жизнь, трудно понять наш восторг. Год за годом наблюдать, как недостижимый Остров проплывает над твоим городом, замком, полями крестьян, которые считают, что увидеть Академикум – к счастью, а потом самой оказаться здесь...

Помню, как мисс Ильяне пришлось разгонять наш поток после первого сдвига. Сама была среди любопытных, во все глаза смотрела, как серый туман, окружающий Остров, рассеивается, и внизу показываются высокие шпили замка, как двигаются повозки и кареты с лошадьми, похожими на муравьев, как закатное солнце, укутывающее мир во все алое, бьет прямо в глаза... И все равно не могла отойти от края...

С нижних ярусов атриума, похожего на многослойный пирог, вместе со мной за этим чудом наблюдало множество студентов. Маги, рыцари, жрицы – все те, кому посчастливилось в этот момент оказаться рядом. К нам подбегали все новые и новые ученики, сокурсники, совершенно незнакомые парни и девушки.

В воздушный поток попала стая белоснежных птиц, и их едва не опалило синим пламенем. Девушки охнули. Кто-то засмеялся, но его не поддержали.

– На реактивной тяге он, что ли... – услышала я тихий голос Криса.

– Что? – переспросила парня.

– Да ничего, – ответил он. – На паровой двигатель, говорю, не похоже.

– А-а-а. Наверное.

В паровых двигателях я разбиралась примерно так же, как крестьянка в этикетке. То есть – никак.

– Не важно, – вновь замкнулся парень, а я, ухватившись за перила, свесилась вниз, словно желала оказаться поближе к такой красоте.

Остров, висящий в воздухе, недосягаемый для всех остальных: демонов, тварей Разлома и простого люда. Даже папеньку сюда не пустили, тут – только ученики и наставники, только совет Академикума. Никаких исключений, разве что для поваров, уборщиков, конюхов... ах да, еще для князя, но он уже лет пятьдесят не покидал Запретный город, правил оттуда и особо не скучал по подданным.

Сегодня земля в очередной раз сдвинулась. Остров уходил на север, к замерзшему Зимнему морю. Возможно, он зависнет над Льежем, крупнейшим торговым городом Аэры, а может, над моим Кленовым Садам или угольными шахтами, и тогда я смогу повидаться с родными.

– Все, хватит! – Крис, потеряв терпение, дернул меня, и я едва не упала в снег. – Идем.

– Да ладно тебе. – Рыжий отвернулся от завораживающей картины плывущего внизу бесконечного мира.

– Еще одно наказание захотел заработать? – прошипел высокий.

– Да никому мы не нужны. – Жоэл отошел от края. – Дадут такое же глупое задание.

Не знаю, что меня задело больше, грубость рук синеглазого, тащившего меня прочь от парапета, или слова рыжего, произнесенные небрежным тоном. А может, вчерашнее происшествие, посеявшее в душе сомнения и страх? Честно, не знаю, но я уперлась и, вырвав руку, четко проговорила:

– Я не глупое задание! Ясно? Я графиня Ивидель Астер и...

– О-хо-хо, – вздохнул рыжий парень. – Какая высокородная козочка. А он барон Оуэн, – кивнул рыжий на высокого. – А вот мне, бедному Жоэлу Риту, самое место на конюшне, навоз за вашим пони убирать, графиня.

Парень издевательски поклонился. Вернее, просто поклонился, но...

– Высокородная козочка? – произнес из-за наших спин знакомый голос, услышать который мне хотелось меньше всего. Я развернулась. От парапета отделилась изящная фигурка в белой шубке. Дженнет мягко ступала по свежему снегу и улыбалась. Рядом, переглянувшись, рассмеялись Алисия Эсток и Мерьем Вири, почти подруги, почти аристократки, почти красавицы. – Надо это запомнить. – Девушка окинула взглядом рыцарей, плащи, родовой герб Оуэнов на застежке высокого, шпаги и даже взлохмаченные ветром волосы. – Всем должно понравиться.

– Вряд ли у всех такой плохой вкус, как у Жоэла, – безразлично, совсем как в первые дни наказания, ответил барон. – С дороги, Белоснежка.

– Кто? – Дженнет остановилась и часто заморгала.

На лице Криса проступили привычная скука и капля раздражения из-за того, что приходится тратить время на неожиданное препятствие.

– Да как вы смеете... Это возмутительно!

– Возмущайтесь на здоровье. – Рыцарь потянул меня в сторону. – Только подальше от нас.

– Я подам жалобу, я...

Жоэл пялился на герцогиню и совершенно по-дурацки улыбался.

– Ага, пишите письма князю, он, поди, скучает. Или сразу прокурору... – Барон даже не обернулся.

– К-кому? – переспросила Дженнет.

– Кому хотите.

– Барон, перед вами герцогиня! Я могу приказать!

– Так приказывайте. Или не тратьте наше время.

- Дженнет? – позвала стоящая у перил Алисия.

- Жоэл, завязывай на нее пялиться! – Оуэн потащил меня за собой.

- Э... Да... – выдавил рыжий, с трудом отрывая взгляд от Дженнет. – Наше вам, уважаемая.

- А вы хам, барон! – задумчиво произнесла девушка, смакуя каждое слово. – Думаю, вам не помешает урок хорошего тона, и, поверьте, я найду того, кто вам его преподаст! – Она помахала мне рукой. – До встречи, козочка. – И, повернувшись к подругам, громко проговорила: – У современных аристократов никакой родовой гордости. Мэрдоку будет полезно узнать это, ты не находишь?

- Ногами шевели, – приказал Крис, и я отвернулась от стоящих у атриума девушек, но не смогла так же просто отвернуться от летящего в спину смеха и от слов Дженнет. А ведь с нее станется...

Здесь каждый второй мог похвастаться высоким титулом, а каждый четвертый – древней фамилией. И это что-то, да значило. Всю мою жизнь значило. Значило хотя бы, что меня нельзя хватать за руки, тащить куда-то, грубить. И все на глазах у Дженнет, которой... которой...

- Вы... Вы... – Я не стала договаривать, толкнула плечом Криса в грудь, заставила отпустить руку и отпрянула, едва не застонав от боли.

Проклятая богинями кольчуга и что там у него под ней, камни?

Не раздумывая, бросилась прочь, не понимая, что вместо того, чтобы незаметно уйти, только привлекаю к себе внимание.

- Да ладно тебе, графиня... Как там тебя, Астер, стой! – крикнул в спину Жоэл. А девушки у атриума вновь засмеялись.

Но я не остановилась, бежала, не замечая удивленных взглядов, шепотков за спиной и того, что Остров все еще движется. Обида обжигает сильнее кнута. Вопреки всякой логике обижалась я не на Дженнет, от нее глупо ожидать чего-то другого, а вот от парней... Я едва не споткнулась. А с чего я взяла, что они

лучше ее? С того, что синеглазый спас меня от той твари? Смешно, с них бы первым делом спросили. Тогда почему так больно? Почему возмущает чужая грубость? Я не знала ответов.

Прочь с площади! Через внутренний двор Ордена я добежала до складов, распахнула дверь, оттолкнула какого-то зазевавшегося парня...

– Астер! – догнал меня голос Криса.

...и бросилась вперед по коридору.

Все, хватит! Не увидят они моих слез! Никто не увидит!

– Я – Ивидель Астер, – пробормотала упрямо, но получилось как-то беспомощно: за спиной топали нагоняющие меня рыцари. – Я маг.

Вернее, буду им. Выучусь, а они так и останутся дуболомами! Мужланами без крупницы магии. Пушечным мясом, и не более! Закончу с целительскими мешочками, и останется еще один день наказания. Один день, и все, вернусь в Магиус к Гэли, Отесу, Мэрдоку, даже к Дженнет. Ее неприязнь привычна, как может быть привычна некрасивая жмущая шляпка.

А здесь все чужое и неправильное. Пусть говорят, что хотят, и держат в клетках любых тварей. Путь маршируют и махают своими железками. Пусть.

Я влетела на склад, с размаху захлопнула дверь и... нос к носу столкнулась с широкоплечим мужчиной в шерстяной жилетке с бляхой рыцаря на груди. Впечатление портили войлочные тапки, словно он только что встал с постели.

– А-а-а, – пропищала я и за неимением слов сделала легкий книксен. – Милорд.

Мельком огляделась, подумала, что ошиблась дверью, ведь по правилам меня должен был сопровождать конвой. Но нет, склад тот же самый, вон целительские наборы аккуратно лежат на столе.

Именно в этот момент в комнату ввалились парни, рыжий первым, Крис вторым. И замерли, вытянувшись по струнке, под взглядом серых выцветших глаз

рыцаря. По возрасту он годился нам всем в отцы или даже в деды, хотя седых нитей в густой шевелюре пробилось не так уж много. Кожа, истерзанная застарелыми шрамами и морщинами, не давала точно определить возраст, ему могло быть как сорок, так и все шестьдесят.

- Что это? – ледяным тоном спросил мужчина у парней, указывая на стол с мешочками. – Отвечать!

- Аптечки, – ответил Крис.

- Штурмовые целительские наборы, милорд Родриг, – поправил рыжий.

- Опять ты со своими варварскими словечками, Оуэн, – рявкнул рыцарь.

«Так он что – варвар?» – мелькнуло в голове, потом что-то словно щелкнуло, и все встало на свои места. Грубое поведение Криса, непонятные слова и полное неуважение к титулам. Дворяне западных провинций отличаются свободными нравами. Так, во всяком случае, говорила горничная и всегда почему-то при этом краснела.

- Я спросил, что вы с ними сделали, неучи?! – рявкнул мужчина.

- Приказ Тиболта серого, – невозмутимо ответил барон Оуэн. Взгляд парня стал стеклянным, он смотрел куда-то поверх плеча Родрига. – Заменить использованные компоненты, проверить состав...

- И вы, недоумки, решили, что можете знать, где и что здесь использовано? – Рыцарь аж побагровел. – На дежурство в темницы захотели? Или желаете сами навсегда переселиться в казематы?

- Никак нет, – слаженно гаркнули парни.

- Нет, – тихо добавила я, но с опозданием – сказывалось отсутствие опыта в коллективном гавканье.

Мужчина развернулся, словно только что про меня вспомнил.

- Что - нет? - Под его взглядом я почувствовала себя неудобно. - Это кто вообще?

- Графиня Иви Астер, милорд! - все так же хором ответили парни, сделав при этом какие-то совсем уж придурковатые лица. - Магесса, милорд. Первый поток. Отбывает семидневное наказание.

- Так... - медленно, по буквам, произнес мужчина. - И что «нет», леди?

- Нет, - повторила я. - Они ничего не решали. По той простой причине, что рыцари без магической силы не могут проникнуть в суть компонентов и не способны определить степень расхода...

Во взгляде этого милорда появилось нечто такое, отчего злость, что еще минуту назад заставляла меня хлопать дверьми, исчезла и сменилась смущением. Так всегда смотрела бабушка, когда я уверяла ее, что не ела конфеты, украдкой стараясь вытереть липкие губы о рукав платья.

- Ну, продолжайте, мисс. Расскажите нам, на что еще мы не способны. Уверен, вашим мальчикам будет интересно послушать.

«Мальчики» стояли истуканами и смотрели прямо перед собой. Я покосилась в сторону. Стена как стена, ровная, кирпичная, даже гобелена нет.

- Они не мои... - только и смогла пробормотать в ответ.

- И то хлеб. - Рыцарь покачал головой и повернулся к парням. - Разболтала магов Ильяна, совсем страх потеряли. Пошли вон!

- Но... - Я посмотрела на стол с двумя десятками оставшихся мешочков.

Странно, еще минуту назад я ненавидела это занятие, а сейчас была полна решимости закончить дело. Чтобы потом не говорили, что Ивидель Астер уклоняется от наказания. Есть у меня родовая гордость, что бы там ни говорила Дженнет.

- Вон отсюда! - рявкнул мужчина, кожа на его щеках начала наливаться нездоровой краснотой. - И девку свою заберите! До дальнейших распоряжений

ей запрещено покидать камеру. Ясно?

- Так точно! - не стали спорить, кому я принадлежу, парни.

- Но... - снова открыла я рот, а Крис взял меня за локоть и буквально вытащил из помещения.

На этот раз я не дергалась из-за его бесцеремонности, запал давно прошел. Осталась лишь неловкость и досада, в основном на себя, из-за того, что не смогла сдержаться. А ведь «леди надлежит быть милой и невозмутимой, даже если ее муж проиграл в карты имение...». Так, бывало, говорила матушка. На что отец ехидно отвечал, что посмотрит на нее, когда он спустит в карты Кленовый Сад. Угроза, кстати, неосуществимая, граф Астер равнодушен к азартным играм.

Склад покинули быстро, выбежали, не оглядываясь. У дверей Жоэл засмеялся, сначала сдавленно прыснул, а когда мы выскочили на утоптаный снег перед крыльцом, загоготал в голос. Даже Крис скупно улыбался.

- Ха! - выдохнул рыжий. - Крис, я, когда Родрига увидел, думал, что все. Встряли по полной. А графинька-то возьми и выдай, что Родриг Немилосердный не способен определить... - Жоэл снова заржал. - И стоит, такая тоненькая, нос задрала, пальцы сцепила, гордая, умная... Девы Аэры!

- Да, Астер, - Крис выпустил мой локоть, - внукам будешь рассказывать, как учила главу Ордена тому, что рыцарь может, а что нет. Если доживешь до их рождения, конечно, при таком норове жизнь у тебя будет яркая, но короткая.

- Но он же и в самом деле не может... - начала я, и тут до меня дошло. - Глава Ордена? Сам магистр Немилосердный? Богини!..

Я прижала руки к вспыхнувшим щекам. Что скажет мисс Ильяна? Может, не уходить отсюда? Остаться на второй срок, так сказать, добровольно? Говорила же мне бабка следить за языком!

- Богини! - простонала я.

– Да, – с восторгом подтвердил Жоэл. – Не бойсь, он нормальный старик, не то что Фернан. Этот бы нас за яйц... – Он посмотрел на меня. – Э-э-э... за большие пальцы повесил! – Парень ухмыльнулся, а затем вдруг поежился. – Родригу давно надоело гонять новобранцев. Самый могущественный рыцарь Ордена уже лет десять назад перевелся в травники. Говорят, задницей все эти зелья чует, не чета вашей «сути компонентов». – Парень вздохнул. – Правда, выбирается еще на задания. Как раз вчера вернулся с отрядом. И с клеткой.

– Так кто это был? – тихо спросила я, вспомнив лапу с железными когтями, и добавила: – Что это было?

Парни переглянулись, Крис махнул рукой. И я поняла, что на этот раз мне ответят. Возможно, потому что сами этого хотят, а может потому, что увидели во мне... не друга, конечно, и, наверное, не товарища... Но и не «глупое задание».

Рыжий оглядел пустынный двор и вытащил из-за пазухи книгу, ту самую, что листал утром Крис. Небольшую, где-то в полторы ладони, в неопрятном кожаном переплете.

– Идем, – скомандовал барон Оуэн и снова схватил меня за локоть. Его пальцы даже сквозь куртку казались жесткими. – На ходу покажешь. А то мы на заговорщиков похожи, так и тянет запереть в острог.

Снова пошел снег. Судя по косому ветру, Академикум все еще скользил по небесной тверди.

– Тварь из Тиэры, – ответил на мой вопрос Жоэл. – Наверняка разведчик.

– Да прям, – фыркнул Оуэн. – Обычная зверюга. Там, я думаю, таких без счета шастает.

– Ты-то откуда можешь знать? – возразил рыжий.

– А я не знаю, – в привычной манере парировал барон. – Не похожа она на разведчика. Грубая механика, заводскаяковка деталей, голод, когти – обычный набор. Шпион был бы сработан поинтереснее, и, при всем уважении к магистрам, они вряд ли взяли бы его без потерь. Обычный беспокоящий контакт.

Чтобы не расслаблялись.

Я посмотрела на Крису. А интересные беседы ведут между собой те, кого принято называть тупоголовыми рыцарями! Что такое механика, я знала, хоть ее на Аэре было не так много, скорее исключение, чем правило. А вот что такое «заводскаяковка»? Если предположить, что «заводская» от слова «заводить», то при чем здесь подгонка деталей – не часовщика это работа, либо умелый кузнец ковал, либо маг изменял металл. А если от слова «заводчик», то есть скотовод – то вообще белиберда получается. Или на западе все по-другому?

– Вот только вопрос – как она преодолела Разлом? – хмыкнул рыжий.

Я бы сказала, вечный вопрос, который задает себе уже не одно поколение магистров.

Жоэл тем временем раскрыл книгу. На пожелтевшем листе бумаги тушью был нарисован угловатый зверь с кошачьей мордой, механическими суставами и сегментным скорпионьим хвостом. Ни одной лишней детали, ни одной дрогнувшей линии. Зверь присел, словно готовясь к прыжку, и я воочию увидела, как склоняется его треугольная башка, как щерятся в яростном рыке клыки.

– Этого изловили еще во времена первого князя, – сообщил Жоэл.

Пара скупых строк под картинкой. Узнать о звере удалось очень мало.

Тиэра, или Нижний мир. Выходцами из него нас пугали в детстве кормилицы. Когда-то давно наш мир был целым, не было ни Аэры, ни Тиэры. Была одна лишь Эра, единая и неделимая. Говорят, она была прекрасна настолько, что сами богини, Чистые Девы, снизошли до нее и жили среди людей.

Но всеобщее благоденствие закончилось, когда людские маги пошли против природы. Они не только стали изменять неживое, но и замахнулись на детей богинь: зверей, птиц, рыб и, наконец, на самого человека. Соединяя несовместимое, калеча и изменяя, иногда уродуя, они даровали людям новые возможности, опираясь лишь на собственные желания и разумения.

Они возомнили себя создателями. Но боги не любят конкурентов. Три Девы низвергли магов, оставив только тех, кто был чист душой. Не в силах убить своих неразумных детей, они сбросили их вниз, отобрав все способности, но оставив отступникам жизнь. И навсегда лишили их шанса вернуться.

Девы разделили мир пополам, как нож делит спелое яблоко, закрыли пути между частями некогда единого мира и предоставили мятежных магов их собственной судьбе. Верхняя «половина яблока» стала Аэрой. Нижняя – Тиэрой.

Рыжий стряхнул с листа насыпавшийся снег и перевернул страницу.

– Следующий «зверь» попался спустя столетие, – продолжал рассказывать Жоэль. – Его помнят, как урильского людоеда. Две деревни истребил, прежде чем люди поняли, с кем имеют дело.

С рисунка прямо на меня смотрела помесь гиены и парового двигателя с железными шипами на спине и красными точками глаз. Я поежилась и почувствовала, как Крис тихонько сжал мой локоть.

Все дело в том, что, оказавшись внизу, оставшиеся без магии отступники не остановились. Уже лишённые силы, они продолжали соединять живое и мертвое, сращивать кожу с металлом, мышцы с камнем. Они работали, покуда не наводнили Тиэру страшными тварями. Такими, как эта. Или следующая.

– Этот был первым, кого удалось захватить живым, – сказал рыжий. – Почти десяток бойцов и двух жриц положили, но все-таки взяли!

Я не понимала, чего в его голосе было больше – страха или зависти к рыцарям прошлого.

– Идиоты, – процедил Крис, разглядывая вместе со мной вставшего на задние лапы медведя, закованного в устрашающие латы.

Наш мир несовершенен. В нем каждый день гибнут люди. По глупости, по велению сюзерена или от гнева богинь. Особенно часто стали гибнуть после того, как огорченные упрямством своих созданий Девы ушли, наказав жрицам следить за оставшимися на Аэре магами. Ушли, оставив нам Разлом и

Пророчество.

Разлом – тот самый разрез на яблоке, пропасть, которая выпивает магию, стоит лишь приблизиться. Бездна, из которой на Аэру вылезают демоны. Мрак, который не преодолеть никому.

Почти...

Потому что Пророчество говорило другое. В день, когда пришелец из нижнего мира преодолет Разлом и ступит на земли Аэры, пропасть, разделяющая две половинки мира, исчезнет.

В трактовке древних текстов жрицы разошлись, большинство утверждало, что после этого мир скверны и металла непременно раздавит легкую магическую Аэру. И не останется в зараженной скверной Эре ничего. Кроме, пожалуй, летающего Острова Академикума.

– Наставники знают, что ты таскаешь из библиотеки запрещенную литературу да еще и юных девушек с толку сбиваешь? – насмешливо спросил Крис.

– Да брось, – усмехнулся Жоэл. – О железных зверях, что проникают сюда из Тиэры, слышали все. Меня мамка часто стращала, не дай бог, забредет в наши края элонский кожесдиратель.

Рыжий снова стряхнул налетевший снег и перевернул сразу с десятков страниц. Новая тварь напоминала гигантского богомола с огромными стальными клешнями.

– Только не говори, что вы с парнями друг другу таких страшилок не рассказывали.

Крис не ответил, что в равной степени можно было понимать и как «да», и как «нет». На выбор.

Моя матушка не приветствовала подобные истории. Но она не учла, что ее старшему сыну – счастье поугагать сестру на ночь глядя. От брата я слышала и о людоеде, и о кожесдирателе, и о дробителе костей, и о высасывателе мозгов,

и еще о десятке других выходцев из Нижнего мира.

Никто не знал, как они преодолевают Разлом. Все знали лишь, что они очень кровожадны, любой другой добыче предпочитают людей, а любому человеку – мага, словно отступники специально натравили их на тех, кто сохранил возможность колдовать. Точнее, на потомков тех, кто не поддержал их в противостоянии с богинями.

Однако знать и видеть в локте от себя стальные когти – разные вещи. Я впервые задумалась, а смогу ли стать магом? Смогу ли встать на пути у такого чудища? Или лучше податься в придворные, прописывать микстуры от запора и смешивать белила для лица?

– К тому же это всего лишь звери, – пожал плечами Жоэл и закрыл книгу.

Наверное, он был прав. Раз Аэра до сих пор существовала, значит, пророчество оставалось неосуществленным. Войти сюда сумели только искалеченные животные, наполовину живые, наполовину мертвые, состоящие из плоти и металла. И ни одного человека, ни одного отступника. Пока.

– Настоящие запрещенные книги переплетали в человеческую кожу...

– Точно. И писали кровью при полной луне, – хмыкнул Крис.

Я посмотрела на коричневый переплет и потянулась к нему, проникая внутрь, в структуру, рассматривая кожу как компонент, как часть целого.

– Это телячья, – проговорила я и серьезно спросила: – При какой именно луне?

И мы рассмеялись, подняв головы к небу, где висели сейчас невидимые глаза Девы.

– Я же говорю, – с ноткой легкого разочарования продолжил Жоэл. – Просто книга, правда, для пятого потока.

– Магистры считают, что подобная литература плохо повлияет на неокрепшие детские умы, – сказал Крис, когда мы почти подошли к замку Ордена.

– На мой ум плохо влияют греча с луком пять дней подряд и отсутствие вина.

– У тебя нет ума, Рит, – раздался ленивый голос, и все сразу изменилось.

Только что парни шли рядом, болтая и разглядывая картинки в книжке, а секунду спустя Крис выпрямился, напряженный, словно пружина, и положил руки на эфес шпаги.

Жоэл выругался. Я во все глаза смотрела на стоящего возле двери высокого, даже выше синеглазого барона, парня с обнаженным клинком в руке. И не простым клинком, а, похоже, фамильным. У отца имелась подобная железка с чеканным родовым гербом Астеров. На стене висела. Пылью покрывалась.

Из-за спины незнакомца вышел еще один парень. Выглядел он совсем не так, как остальные встречавшиеся мне студенты-рыцари. В отличие от Криса, в котором не было ничего от предков, второй парень словно сошел со страниц книги о западных варварах. Именно так я себе их раньше и представляла – в меховых плащах и рубахах, перетянутых многочисленными ремнями. Не вступая в разговор, он встал у стены и начал задумчиво поигрывать ножом с короткой рукоятью.

– Не знаю, за что Оуэн тебя терпит, конюх, но, видимо, ты полон скрытых талантов, – тягуче произнес незнакомец, откидывая назад длинные, почти как у меня, волосы.

Аристократ из южных провинций. Только там косы считаются не привилегией женщин, а украшением мужчин. Жоэл тихо зарычал.

– Но тогда, – продолжил парень, – я не понимаю, зачем вам девочка?

Он сделал шаг вперед, Крис зеркально повторил его движение и встал так, чтобы я оказалась за его спиной. Не знаю отчего, но внутри потеплело от этого жеста. В руке барона сверкнула сталью шпага.

Парень в меховой шкуре разочарованно крикнул и покачал головой. Однако с места не сдвинулся.

– Этьен, – ответил Оуэн. Небрежный тон не вязался с его напряженной позой. – Тебе какая печаль? Ходят слухи, что после последнего посещения Красного квартала Льежа твоему папаше придется искать нового наследника. Напомни-ка, что там случилось? Не хватило серебра, чтобы оплатить портовую шлюху и ее хозяину приглянулось твое хозяйство? Ты уже рассказал мамочке или пожалел старушку?

Кто такие шлюхи, я знала, хоть леди и не полагалось. Больше меня удивила ярость, прозвучавшая в словах Криса, будто кто-то помочился на его семейный герб и теперь придется смывать позор кровью. Что такого зазорного могло быть в скрытых талантах рыжего? Любые знания и навыки идут человеку только в плюс... Но здесь, судя по всему, другой случай, слышалось в интонации рыцарей что-то оскорбительное, вон как Жоэл покраснел.

– Любишь сплетни? Прямо как твоя матушка! – Меч в руках Этьена дернулся и приподнялся, глаза сверкали превосходством.

– Сплетни? – фыркнул барон. – Вирка Ленточка плакалась, как у тебя не получилось. Опять. В который раз оставляешь девушку ни с чем! Приходится утешать в двойном объеме и задарма...

Южанин налетел на Криса, даже не дослушав. Оуэн толкнул меня в снег, а сам пригнулся, пропуская сверкающее лезвие над собой.

– Эмери! – скомандовал Этьен.

Варвар метнул нож в рыжего, тот отпрянул в сторону и упал, поскользнувшись на присыпанном свежим снежком льду. Вращающаяся сталь прошла мимо, всего лишь задев прядь рыжеватых волос. Всего лишь... Эмери бил на поражение. Мысль показалась нелепой, мы же в Академикуме. Мы ученики, а не противники на поле боя. Мы даже не на турнире.

– Эй, ты чего творишь? – закричал упавший, схватившись за собственную шпагу.

В пальцах варвара танцевало еще одно метательное лезвие. Он на секунду заколебался, выбирая между Крисом и Жоэлом, что дало рыжему время встать на ноги.

Зазвенели, соприкасаясь, фамильные клинки южанина и барона.

– Чего тебе надо, Этьен? – спросил Крис, отбив очередной выпад противника.

Во второй руке рыцаря появился кинжал. Не честно, но действительно. Длинноволосый отступил на шаг.

– Уж точно не говорить о бабах, Оуэн! Вспомни учебный бой, урод. Ты унизил меня на глазах у магистра!

– А нечего было отращивать такие патлы! – Шпаги скрестились, выбив целый сноп искр. – За все нужно платить! В том числе и за подобную красоту! – Острие клинка, играючи, срезало каштановую прядь.

В воздухе один за другим просвистели два метательных ножа. От первого рыжий уклонился, а второй отбил книгой в кожаном переплете.

– Ты уложил меня в конский навоз! – заорал южанин.

– Да ты сам плюхнулся, почувствовав родной запах! – Барон отвел кинжалом укол Этьена и тут же на длинном выпаде нанес свой.

Противник уклонился.

Жоэл бросился к Эмери, и третье лезвие отправилось в полет, сбивая рыжему атаку и не подпуская ближе. На этот раз метательный нож чиркнул парня по плечу. На снег упали первые капли крови и книга в коричневом переплете. В отличие от барона Жоэл не носил кольчугу.

Этьен зарычал и с удвоенной яростью бросился в атаку, лезвие устремилось прямо в грудь Крису. Я зажмурилась. Приглушенно звякнули звенья кольчуги.

Я открыла глаза. Барон и его противник стояли вплотную друг к другу, намертво сцепившись клинками, и скалились. Оуэн отвел лезвие Этьена, удерживая его в стороне упором кинжала. Оружие Крису неведомым образом оказалось зажато между парнями. Секунда, другая, и они яростно разошлись в стороны, снова изготавливаясь к бою и скрещивая шпаги.

Тишину нарушали лишь сиплое дыхание, звон металла, хруст шагов.

Жоэл, не обращая внимания на рану, смог подойти на дистанцию ближнего боя, и варвар, оставив ножи, выхватил из ножен саблю. Большую саблю. Такая в один мах могла перерубить тонкое лезвие шпаги, казавшееся спицей по сравнению с хищной изогнутой полосой металла. Рыжий, словно зверь, закружил вокруг парня в меховом плаще, не давая тому пойти в лобовую атаку.

А я все еще сидела на снегу, не в силах сдвинуться с места. И поверить в то, что вижу. На второй неделе обучения в Магиусе Оли и Вьер тоже сцепились и стали швыряться изменениями. Но в них не было и десятой доли ярости рыцарей, одно бахвальство, а здесь...

Я выбралась из сугроба и торопливо отбежала в сторону, едва не поскользнувшись на предательском льду и задев ногой отброшенную Жоэлом книгу.

Что-то жалобно задрезало. Я перевела взгляд на Криса и ахнула. Шпага барона была сломана почти у самого основания, лезвие валялось у ног Этьена, тогда как рукоять все еще оставалась в ладони синеглазого.

Кажется, я закричала что-то бессвязное. Плохи дела у моих парней. Богини, когда же они успели стать «моими»?

Оружие победно ухмыльнувшегося Этьена метнулось к незащищенному горлу Криса.

Я потянулась силой ко всему, что меня окружало. К снегу, к земле, стене замка, старой бумаге, шерсти плащей, стали в их руках...

Длинноволосый охнул, Крис совсем не по-рыцарски ударил его сапогом в живот. Сталь прошла в пальце от шеи синеглазого. Барон тут же отбросил ставший бесполезным эфес сломанной шпаги и перекинул кинжал в правую руку.

Оружие Этьена огрызнулось на касание магии голубоватыми искрами. Такие передающиеся по наследству фамильные железки всегда защищают от изменений, чтобы оружие не обернулось против хозяина. Заметив это,

аристократ насмешливо скривил губы.

– Что, Оуэн, слабо драться с честью? Один на один, без девчонки? Только перед магистрами такой смелый...

Меня обжег яростный взгляд синих глаз. И нити начавшего формироваться изменения исчезли.

Я вспомнила день, когда во мне проснулась сила. Час, когда брат выступал на турнире в честь Рождения Осени. Маменька в тот день пила капли, а отец в кои-то веки смахнул с фамильного клинка пыль.

Илберт тогда проиграл. А мы все смотрели на это, сидя на местах для почетных гостей. Противник брата, дородный сын сквайра из Винии, уже поднимал клинок, то ли для того, чтобы отсалютовать дамам, то ли для того, чтобы нанести последний удар... Маменька упала в обморок прямо на руки отца. А я сжала кулаки, собирая в них нити силы. Инстинктивно, еще не понимая, что происходит. И закричала:

– Не-э-эт!

Доспехи сквайра на миг, на долю секунды, раскалились, напившись, как мне казалось, страхом и яростью. На самом деле – огнем из ближайшей жаровни, который я неосознанно перенесла на железо. Изменение было мгновенным и тотчас откатилось назад, но этого хватило, чтобы победитель, заорав дурным голосом, упал на истоптанный песок ристалища и, хрипя, принялся кататься по земле.

Сын сквайра выжил, но получил жуткие ожоги. Меня, слава Девам, не тронули. Чего это стоило отцу, я так и не узнала, слишком была расстроена тем, что брат не хочет меня видеть.

Меня, младшую сестру! Ту, которая поставила под сомнение его честь. Ту, что дала повод сказать о нем как о спрятавшемся за юбку мужчине. Ведь сплетникам порой все равно, сколько лет той, кто носит эту юбку.

Никогда – ни до, ни после Илберт Астер не злился на меня так сильно, как в те дни. Никогда не отворачивался, словно перед ним незнакомка, недостойная его внимания.

А матушка тайком подарила мне изумрудное ожерелье с сережками.

Что важнее – жизнь или честь? Брат говорил, что честь. Но, глядя на сцепившихся парней, я уже была совсем не так уверена в этом, как прежде.

Никто не научил меня, как поступать в подобных ситуациях. Почему вместо того, чтобы учиться важным вещам, мы составляем ранги чувствительности компонентов?

Барон дернул за завязки плаща, скупым рывком перехватил его и швырнул в лицо Этьена, дезориентировав и заставив нелепо взмахнуть шпагой. Крис тут же полоснул противника по руке ножом. И дорогая железка южанина, падая, загремела по припорошенным снегом камням двора.

Не дав противнику опомниться, Крис ударил снова. Кулаком в челюсть. Бой уже не казался мне рыцарским, все больше напоминал кабацкую драку.

Закричал Жоэл, и я развернулась, готовясь увидеть истекающего кровью парня. Но это был не крик отчаяния, это был крик победы. Варвар стоял обезоруженным. Сабля валялась в окропленном кровью снегу. Эмери держался за запястье, зажимая рану, а кончик шпаги Жоэла подрагивал в двух пальцах от его лица.

– Крис! – позвал рыжий.

Этьен упал, сплевывая на снег кровь. Оуэн пнул его сапогом в бок. Южанин застонал и, получив еще раз, распластался на земле. Синеглазый перехватил нож, придавил коленом спину южанина, склонился...

– Крис, нет! – закричал рыжий.

Но тот не послушал, сгреб в кулак ухоженные каштановые волосы и провел по ним клинком, срезая пряди почти под корень.

- Стоять! – раздалась отрывистая команда.

Нож Криса на секунду замер, а потом отчаянным рывком завершил дело. Вот теперь я поверила, что он варвар, хоть и не носит шкуры. Дикарь, отрезающий поверженным врагам волосы. Иногда вместе с кожей. Иногда вместе с головой.

- Разойтись! Оружие на землю!

Звякнула шпага Жоэла, а за ней на камни полетел кинжал барона. Через плац к нам спешили трое. Знакомый магистр с бляхой рыцаря – тот самый Тиболт серый, в чье распоряжение я якобы поступила. Молодой мужчина в бобровой куртке с черными, перехваченными лентой у лба волосами и смотритель подвалов Райнер.

- Построиться! – приказал серый магистр.

Жоэл и похожий на медведя варвар быстро выполнили приказ, Крис отпустил свою жертву, подхватил со снега плащ и встал рядом. Этьен поднимался куда медленнее, руки рыцаря дрожали.

- Что тут происходит? – спросил у выстроившихся в линию парней незнакомый мужчина с лентой на лбу.

Крис посмотрел на небо. Покачивающийся Этьен сплюнул кровью. Все четверо многозначительно молчали. В пояснениях сцена не нуждалась, и вряд ли старшие рыцари на самом деле ждали ответа.

- Ну...

- Ничего, милорд, – сказал разбитыми губами Этьен.

- Я вижу ваше «ничего». – Тиболт выразительно посмотрел на обрезанные пряди южанина.

- Я сам попросил барона Оуэна об услугах цирюльника.

- Неужели? – прищурился смотритель подвалов.

– И я милостиво согласился, – добавил Крис. – На западе такие прически распространены куда больше, чем здесь.

– Так! – грозно пророкотал Тиболт. – Жоэл, Эмери, жду ваших объяснений!

– Проведен тренировочный бой, сабля против шпаги в условиях, приближенных к боевым, милорд, – отрапортовал рыжий.

Варвар согласно кивнул.

– Прекрасно. – Тиболт нахмурился, явно не находя ничего прекрасного в увиденном и услышанном.

– Ты, – сказал вдруг смотритель подвалов Райнер, ткнув в меня пальцем. – Астер, кажется? Это из-за тебя они подрались?

Прищуренные глаза старика, казалось, стали еще меньше и злее.

– Нет. – Я замотала головой и для надежности повторила. – Нет.

– А из-за чего?

– Из-за...

Крис смотрел на меня, не мигая, и в его глазах разгоралась та самая злость, что и в глазах брата после турнира.

Он знал, что я сейчас скажу, знал и не хотел этого. Впрочем, точно так же на меня смотрели и остальные четверо.

– Из-за... из-за...

– Ну?

– Из-за каких-то шлюх и ленточек, – не успев толком испугаться, ответила я чистую правду. Не всю, но самую малую ее часть.

Злость в синих глазах потухла, уголки не улыбочивых губ чуть дрогнули. Молодой мужчина с лентой на лбу странно крякнул.

– Дожили. – Серый рыцарь закатил глаза и приказал: – Следуйте за мной.

Парни развернулись и четко, словно на параде, зашагали к крайней башне Ордена. Ни один из четверых ни разу не обернулся.

– Идем, Астер. – Смотритель подвалов нагнулся и, подняв книгу в чуть влажном переплете, подал мне. – Им теперь долго будет не до шлю... девок. Идем.

Только когда осталась одна в камере, я поняла, что именно держу в руках. Книгу Жоэла с рисунками тварей Тиэры, собранных неизвестным рыцарем. С минуту раздумывала, глядя на коричневый переплет.

Я маг! Я справлюсь! Должна!

Шляпка полетела на кровать, промокшие светлые волосы упали на спину. Я села за стол и открыла пожелтевшие страницы, вглядываясь в четкие линии рисунков.

«Мэрийский костолом пойман...»

Утром меня ждал неприятный сюрприз. В подвал пришли не Крис с Жоэлом, а Этьен и неизвестный парень с взглядом снулой рыбы и бледной кожей чахоточного больного.

– Собирайся, лапа, – проговорил южанин, с трудом шевеля припухшими губами. – Закончилось твое наказание.

Он был обрит налысо, от чего уши казались торчащими, а на лице красовались успевшие налиться за ночь чернотой синяки. Я вспомнила, что первый раз рыжий так же говорил скабрзости и стучал сапогом по решетке.

– Мне положен еще день, – спокойно ответила я, наблюдая, как смуглые пальцы обхватывают кованый круг на двери.

– Да мне все рано, кто тебе и что положил, – ухмыльнулся Этьен и тут же скривился от боли. – Или, может, тебе так понравилось развлекаться с барончиком и его прихвостнем, что уже и уходить не хочется? Знаю я, какие у вас, колдунов, порядки.

– Все знают, – пробормотала я. – Только мне не говорят.

– Так пригласи войти, я расскажу. – Решетчатая дверь качнулась, приоткрываясь.

А я все смотрела на тонкие пальцы, которые вчера держали клинок, целящийся в горло Криса. Смотрела и смотрела. Пока железо не предстало пред моим внутренним взором в виде отдельных подвижных частиц и связей между ними. Вот эти частицы, повинувшись воле мага, начали двигаться, с каждым мигмом разгоняясь все сильнее и сильнее. Южанин закричал, отпрянул от прутьев, тряся обожженной ладонью.

Второй не двинулся с места, ничего не сказал, даже не сделал попытки помочь Этьену. Аристократ успел насолить всем? Или, что вероятнее, второму было все равно.

Я вышла в коридор.

– Да я тебя, тварь...

– Никогда не хватайтесь за магический круг, если не уверены, что он неактивен, – проговорила, указывая на знак на решетке. – Это опасно. В целительских наборах есть мазь от ожогов. Сама готовила. Советую воспользоваться прямо сейчас, а то останутся шрамы, пальцы потеряют чувствительность, мышцы – подвижность.

Спокойный тон, учтивый, едва заметный поклон и ни грамма мыслей в голове, лишь часто хлопающие ресницы. Мама могла бы мной гордиться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/sokol_anya/tabel-pervokursnicy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)